
РИТУАЛ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО ДВУХ РЕАЛЬНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

ЭРИК МИКАЕЛЯН

Рассматривая ритуальную активность личности в неврозе навязчивых состояний как результат наложения двух реальностей – объективной (социальной) и магической (архаической), – обратим внимание на невротическую сторону этого процесса. Мы можем рассматривать ее как следствие нарушения взаимодействия личности с социальной средой, как нарушение адаптивной системы личности. В ритуальных действиях прослеживается повторение патологических функциональных структур, не адекватных условиям взаимодействия с социальной средой, т. е. с объективной реальностью. В этом случае мы имеем дело с информационным метаболизмом, понятием, введенным в психиатрию выдающимся польским психиатром А. Кемпинским. Суть в том, что именно считает человек своей реальностью, что входит в структуру его Я. В психической структуре личности постоянно происходят изменения в информационном метаболизме – реальность постоянно подвергается изменениям, какая-то ее часть начинает восприниматься как часть человеческого Я, а иные области реального утрачивают актуальность. В картине ритуальной активности реальность для личности меняется, она принимает магический характер, и эта реальность принимается как необходимая часть во взаимодействии со средой. Говоря иначе, новая магическая реальность обеспечивает взаимодействие. Этот информационный метаболизм является следствием создания новой реальности. «Нарушение процессов информационного метаболизма отражается на процессах энергетического метаболизма»¹. Согласно травматической теории невротических навязчивостей также является продуктом психических травм. А психические травмы запускают процесс изменений в информационном поле. «Психические травмы можно рассматривать как сигналы или совокупность сигналов, поступающих из внешней среды и нарушающих обычный порядок информационного обмена»². Психические травмы в первую очередь представляют угрозу для интегративной функции сознания, для целостности психики вообще. Психические травмы запускают разрушительный процесс, в результате воздействия которого ослабевают память, снижается адаптивный порог личности, под угрозу ста-

¹ Кемпински А. Меланхолия. СПб., 2002, с. 125.

² Там же.

вятся мыслительные процессы и т.д. В случаях анализа невроза навязчивых состояний, как, впрочем, и в случае других невротических нарушений, сложно бывает определить конкретную травму, запустившую патологический процесс, и при этом понять, чему именно можно приписать статус причины и повода. Психические травмы могут быть типичными, но реакция на них, эмоциональный стереотип реагирования практически всегда различен. «Характер взаимодействия каждого человека с окружением является сугубо индивидуальным, и психические травмы у каждого человека отличаются своей спецификой. История жизни данного человека может объяснить его повышенную чувствительность к травмам определенного рода, например, затрагивающим болезненное самолюбие (болезненные амбиции), отношение зависимости, эротические привязанности или утрату предмета любви»³. Сила психической травмы определяется субъективно. Поэтому вполне приемлемой для нас является мысль А. Кемпинского, что сила травмы определяется иерархией ценностей человека. Важно в данном случае выявить, прежде всего, эмоциональный стереотип реагирования человека в состояниях психической травмы. Эмоциональные стереотипы реагирования на внешний мир условно делят на позитивные и негативные, и хотя такая дифференциация необходима, она явно недостаточна.

Как теоретически, так и практически невозможно реальный эмоциональный мир свести к позитивным и негативным эмоциональным установкам. Амбивалентность эмоциональной жизни не вызывает сомнений даже у бихевиористски ориентированных ученых. Конечно же, на каждую ситуацию независимо от ее травматического характера личность реагирует «динамическим эмоциональным стереотипом». А. Кемпински, говоря о позитивной и негативной установке, приходит к парадоксальному для обыденного сознания выводу: «Устойчивые позитивные установки могут оказывать не только положительное, но и неблагоприятное воздействие на людей и животных. Существо с такой ориентацией поведения не смогло бы избежать травм и опасностей, исходящих от окружающего мира, и тем самым было бы обречено на гибель. Человек чаще придерживается отрицательных установок, а не положительных, может быть потому, что отрицательные эмоции соответствуют в целом большей динамичности поведения, чем положительные эмоции»⁴. Сила травмы определяется, конечно, субъективной эмоциональной картиной мира. И от того, насколько она правдоподобна, зависит построение нашего поведения, специфика нашей защитной системы. Вероятному приписывается статус достоверного. Травма вызывает необходимость построения новой системы психологических защит, во всяком случае, требует пересмотра прежде адаптивных паттернов поведения. Новая система защит сначала не обладает той степенью

³ Там же, с. 126.

⁴ Там же, с. 128.

эффективности, которой была наделена прежняя система. То есть новая система защит еще не обладает позитивным опытом, но травма обнажила несостоятельность прежнего опыта. Необходимы новые функциональные структуры, новые адаптивные стратегии, которые также нуждаются в проверке на эффективность. Должна сформироваться новая психическая зона безопасности, которая обеспечит полноценное взаимодействие с реальностью, с социальной средой. При травматическом воздействии активизируется защитная система, но она не всегда способна сохранять свою адаптивную эффективность. Поэтому часто травма порождает патологические выходы разрешения травматического опыта. Все эти выходы имеют непосредственное отношение к реальности, они нацелены на реальность. Например, при депрессивном разрешении травмы мы имеем уход от реальности, при обсессивном выходе создаем новую, магическую реальность и при диссоциативном разрешении отказываемся от единого Я и распределяем реальность на различные парциальные субличности, носители реальности. По сути, эти выходы – новые невротические формы взаимодействия личности с социальной реальностью. Это также новые формы защиты, которые активизируются спонтанно и обладают для личности неосознаваемой априорной эффективностью.

Система психологических защит имеет индивидуальный характер, для каждого границы этой системы очерчены возможностями его целостной психической структуры. Но каждая система защиты нацелена на формирование безопасной, по определению Кемпинского, «материнской зоны» жизнедеятельности. Эффективность новой системы защит определяется оценкой социальной реальности. Человек практически постоянно сверяет свое поведение с требованиями социальной среды. И если защитная система является «материнской зоной», то социальная реальность, социальное зеркало – это отцовская зона. Социальное окружение выносит оценки поведению человека. «Социальное окружение наказывает и награждает, выполняя роль “справедливого отца”. Взаимодействие с социальной средой требует постоянного формирования все новых и новых, нередко довольно сложных функциональных структур»⁵. Взаимодействие со средой – это постоянный поиск эффективных поведенческих стратегий и формирование новых паттернов поведения. Потребность пересмотра поведенческой стратегии личности часто возникает при переживании воздействия травмы. Так как травма обнажает определенную слабость защитной системы, это значит, что развитие эффективного паттерна поведения непосредственно генерируется воздействиями психических травм различной интенсивности. «Одним из важнейших факторов психотерапии является возможность научить больного объективному восприятию самого себя. Это уменьшает диссонанс между идеальным автопортретом (каким хочет-

⁵ Там же, с. 134.

ся быть) и фактическим (какой я есть на самом деле). Такой диссонанс является необходимым для развития человека, поскольку недовольство самим собой помогает человеку измениться и стать лучше. На этом, собственно говоря, основывается его эволюция»⁶.

Новые формы поведения при воздействии травмы – своего рода пробы на адекватность, проверка реальностью. Реакции и оценки социального окружения вносят коррекции в поведение личности. Поведение личности должно соответствовать требованиям и ожиданиям социального зеркала. Поэтому защитная система, прежде всего, нацелена на получение социального одобрения. Это значит (и это принципиальное положение), что защита не выполняет свою непосредственную функцию по обеспечению психического здоровья. Именно при такой расстановке акцентов мы имеем невротическое зависимое поведение. Вместо того чтоб задаться вопросом: что со мной не так, человек думает о том, как не потерять позитивное отношение к себе социального мира. Направленность защитной стратегии определяет ее психическую и социальную эффективность. При зеркальной направленности (невротической) основные акценты расставляются на обеспечении социальной адекватности поведения, при внутренней (причинной) направленности во главу угла ставится приоритетность психической адекватности. Стратегия защитной системы сама по себе разнонаправлена; с одной стороны, это защита психического мира, с другой – обеспечение социальной адекватности поведения. Однако социальная адекватность поведения возможна лишь при адекватности психического мира личности. Социальная адекватность должна строиться на психической, а не взамен ее. При невротическом, патогенном разрешении травматической ситуации защитная система работает против носителя, человек пытается репрессировать свои нетипичные переживания, при нормальном, саногенном разрешении ситуации человек обращается к себе, а не отвергается от себя. Защитная система концентрируется на двух направлениях: защита от чего и защита для чего. В первом случае это защита от непривычных и мучительных переживаний, бегство от себя, во втором случае защита собственного психического здоровья, путь навстречу себе. «Вектор эмоционального состояния всегда является двунаправленным: одна из его стрелок направлена наружу, а вторая – внутрь человека»⁷. И чтобы разобраться в генезисе невроза навязчивых состояний, впрочем, как и в любом невротическом нарушении, необходима дифференциация динамических эмоциональных стереотипов двух направленностей: от себя и к себе. Ни одно из двух направлений не является самодостаточным: они взаимосвязаны и взаимозависимы – образ Я формируется социальным миром и социальный мир становится полем проекции Я-концепции личности. Специфичность образа Я и

⁶ Там же, с. 139.

⁷ Там же, с. 137.

образа мира может быть кратко представлена следующим образом: психический мир сложен и не прогнозируем, социальный мир стабилен и конкретен. Если социальный мир может быть оценен объективно, в границах социальных ценностей, то психический мир лишен этой универсальности. Отношение к социальному миру социально задано, человек делает то, что приемлемо в границах социального поведения, хотя бы внешне принимает социальные ценности и нормы.

Травма наносит ощутимый удар по идеальному Я-образу, она увеличивает дистанцию между реальным и идеальным Я личности. Чем больше психическая дистанция между этими двумя образами, тем более мучительны переживания личности. Травма отбрасывает человека на большую психическую дистанцию от цели продвижения к идеальному Я. Тем самым под удар ставится также реальное Я личности. Ценность реального Я-образа, по сути, определяется идеальным Я-образом. Поэтому, отбрасывая назад с пути достижения идеального Я-образа, травма обесценивает реальный Я-образ. Ценность настоящего скрыта в будущем, но если будущее становится недоступным, настоящее превращается в некий психический балласт, который человек вынужден просто нести в себе за неимением лучшего. «Патология начинается там, где порог между прошлым и будущим оказывается настолько высоким, что человек не в состоянии его переступить. Тогда идеальный образ становится несбыточной пустой мечтой, которую невозможно осуществить никаким способом. А фактический образ самого себя все более отдаляется от желанного и из-за этого становится все более темным и ненавистным»⁸. Вследствие того, что реальный Я-образ личности утрачивает свою ценность, то уровень самоконтроля также начинает уменьшаться. Самоконтроль личности необходим, если ее реальный Я-образ обладает ценностью или, скажем так, отраженной от идеального Я-ценностью. Но если утрачивается возможность достижения идеального Я, то самоконтроль утрачивает свое значение. Как известно, утрата самоконтроля – особенность невроза навязчивостей. Исходя из этого, мы предполагаем, что одним из механизмов развития невроза навязчивостей выступает увеличение дистанции между реальным и идеальным Я-образами личности. При всяком невротическом расстройстве реальное прошлое Я приобретает значение идеального. Поэтому понятие «идеальное Я» в нашем контексте необходимо принимать в сравнительном аспекте. Именно прошлое Я воспринимается в качестве реального, настоящее Я, ставшее объектом натиска бессознательных деструктивных сил, отвергается. Мы имеем дело с Эго-дистонным состоянием психики, когда страдания личности воспринимаются в качестве чуждых. В ряду страданий, безусловно, доминирует мучительно переживаемый страх потери самоконтроля. Ведь именно способность самоконтроля и является самым ценным для

⁸ Там же, с. 139.

психического здоровья. Восстановление самоконтроля воспринимается первоочередной задачей. В свою очередь ритуальная активность больного неврозом навязчивостей может рассматриваться как попытка восстановить самоконтроль, воссоединить два образа Я, идеальный и фактический. При компульсивной активности происходит попытка избавления от пугающих сознательных и, чаще, неосознаваемых мыслей и побуждений. Это означает, что совершается одновременно попытка восстановить свой Я-образ, который позволял в прошлом более или менее успешно адаптироваться к социальной реальности, взаимоотношениям с социальным окружением. К компульсивной активности человек стремится, это единственное средство сформировать внутренний покой, обрести самоконтроль. Мыслительная деятельность не выдерживает натиска навязчивых сил, становится неспособной сохранять самоконтроль. На помощь приходит двигательная, телесная активность как способ формирования самоконтроля. При неврозе навязчивости происходит отчуждение от Я, так как именно Я оказывается неспособным противостоять нахлынувшим переживаниям. Этим объясняются диссоциативные новообразования, образование новых идентичностей. Отчуждение от Я – это, таким образом, один из критериев навязчивости. В чем тогда разница между ритуалом и навязчивостью? Если навязчивость не вызывает отчуждение Я, то мы имеем дело с культурой. Культура – это, по сути, деперсонализированная навязчивость. Все культурные явления представляют собой ритуал, только мы воспринимаем его в качестве культурной нормы, поощряем эту ритуальную систему ценностей, хотя на уровне отдельной личности считаем это патологией.

Культура – ритуальна, следовательно, также обладает характером навязчивости. Но то, что навязано социальным миром, традициями, навязано всем представителям культуры. Поэтому ритуалы, различные обряды и обычаи вписываются в культуральную норму. Они не воспринимаются болезненно, их можно отвергать или принимать, но они не доставляют страданий. Точно так же как культурные и религиозные ритуалы совершаются одним и тем же способом, в одной и той же последовательности, точно так же в компульсивных ритуалах действует хорошо продуманная, но не осознанная последовательность действий. Кроме того, ритуалы культуры и религии носят коллективный характер, групповое мышление, в котором Я задействовано незначительно. Поэтому при подобных ритуалах не происходит отчуждение от Я, которое просто не включено в процесс. Компульсивная активность – это попытка восстановления душевного покоя, избавления от угрожающих психическому здоровью деструктивных и аморальных мыслей. Это способ патологического самоконтроля, способ восстановить прежнее психическое здоровье, прежний образ Я. Постоянные атаки навязчивостей вынуждают больного строить систему защит, характер которых может приобретать компульсивные ритуализированные формы. Как

и при религиозных ритуалах, человек ожидает позитивных перемен, оберегает себя от невидимых злых сил, хотя и не представляет, как это происходит, точно так же, совершая ритуалы при неврозе навязчивостей, больной ожидает облегчения своего состояния. Магическое мышление позволяет активизировать аутосуггестию. Компulsiveвная активность безусловно оказывает краткое позитивное воздействие. Однако активность постоянно возрастает, compulsiveвная защита начинает распространяться на все большие сферы жизни личности. Больной уже испытывает тревогу в разных областях, даже при повседневных действиях.

В норме каждый человек постоянно испытывает дискомфорт различной интенсивности по поводу несоответствия реального Я идеальному. Но дискомфорт не становится препятствием для принятия самого себя и не вызывает отчуждения от Я. В противопоставлении реального и идеального Я нельзя видеть патологический процесс до тех пор, пока функции самоконтроля спонтанно осуществляются. Образ Я – это, прежде всего, система самоконтроля. Самоконтроль действует в экстраверсивной и интроверсивной активности личности. Однако когда баланс равнодействия нарушается в пользу интроверсивной активности, то функция самоконтроля начинает набирать интенсивность во внутриспсихической деятельности. Жизнь человека, мысли и переживания все более отдаляются от внешнего мира, сосредоточиваясь на психическом мире. Чем больше функция самоконтроля ориентирована на психический мир, тем больше она утрачивает свою эффективность. Система самоконтроля двунаправлена, пытается сохранить идентичность личности как вовне, так и в себе, хотя границы между внешним и внутренним в психике размыты. «Эмоциональный колорит одинаков по обе стороны границы, разделяющей внутренний и внешний миры»⁹. Внешний и внутренний мир взаимопроникаемы, иначе навязчивости не вызвали бы страданий. «Проблему двунаправленности эмоций можно трактовать следующим образом: положительные эмоции в отношении самого себя являются своеобразным поощрением за положительные установки по отношению к окружению, а отрицательные эмоции – наказанием за неспособность установить с ним положительные отношения. Для того, чтобы любить себя, человек должен уметь любить окружающих»¹⁰. В неврозе навязчивостей, как и при любом неврозе, мы имеем дело с некой новой реальностью, в данном случае с compulsiveвной реальностью. Однако доминанция самоконтроля формируется не целенаправленно, а спонтанно, как поиск защиты от наплыва неконтролируемых мыслей и переживаний. Суть, конечно же, не в самих мыслях и переживаниях, а в том, какое отношение они вызывают и каким уровнем психической защищенности обладают. Понятно, что в случаях навязчивостей ядром, формирующим

⁹ Там же, с. 142.

¹⁰ Там же, с. 142.

самоотношение, становится чувство вины. Оно всегда связано с нарушениями или мыслями о нарушении моральных запретов. В невротической навязчивости содержательная тематика, как известно, касается двух больших областей – сексуальной и религиозной. Эти стороны нашей жизни изначально воспринимаются в неких моральных границах. И эти стороны оказываются центральными фигурами при невротической навязчивости.

При этой патологии мы имеем дело с наказанием личности со стороны Сверх-Я, которое становится генератором навязчивости. Эта инстанция достаточно ригидна, очень сложно поддается изменениям. В психоанализе, как и в целом в психодинамической психологии, принимается точка зрения «нормального расщепления Я» в целях эффективности психотерапевтического процесса. При навязчивостях расщепления не происходит на уровне сознания, но оно присутствует в качестве звена патологического процесса. Психическая инстанция Сверх-Я образована в границах Я-личности. Это наблюдающая инстанция Я-личности. Она оценивает мысли и эмоции личности с точки зрения моральных ограничений. Эта часть психического аппарата всегда воспринимается человеком на неосознаваемом уровне и ощущается голосом совести. Другими словами, расщепление психики уже состоялось. Но смысл как раз в том, чтобы сделать расщепленность осознаваемой. То, что происходит при невротической навязчивости или, скажем так, при компульсивном невротическом, является также способом примириться с этой инстанцией. Но проблема в том, что примирение протекает на бессознательном уровне, не переходя порога сознания. Соответственно искусственное, или психотерапевтическое, расщепление на Наблюдающее и Наблюдаемое Эго обеспечивает переход этого порога, а значит, эффективность терапевтического процесса. При невротической навязчивости, как, впрочем, и при других невротических, Сверх-Я превращается из Наблюдающего Эго в Карающее. А расщепление в границах психотерапевтического процесса позволяет увеличить «силу Эго» – понятие, введенное психоанализом. Оно означает способность личности принимать изменяющуюся реальность, используя разнообразные зрелые психологические защиты. То, что мы имеем при невротической навязчивости, является формой примитивной, архаической защиты. Мы можем и должны постулировать следующую мысль: в навязчивых действиях человек выходит из границ индивидуального сознания и попадает в зону коллективного филогенетического разума.

Таким образом, невротическая навязчивость – это возвращение психики в филогенетическую структуру психики, в групповое мышление. Это переход от индивидуального к всеобщему образу мира. Компульсивные действия, являясь формой защиты, прежде всего выполняют функции восстановления и поддержания самоконтроля. У больного фиксируется страх перед инстинктивной активностью, спонтанностью поведения. Поэтому лиц,

предрасположенных к неврозу навязчивостей, беспокоит малейшее нарушение повседневного порядка жизни. Они стремятся к пунктуальности даже в мелочах. Эта нацеленность на упорядоченность, пунктуальность и точность во всем позволяет избегать атак аморального характера, идущих из бессознательного уровня психики. Много энергии уходит на сдерживание Карающего Сверх-Я – чтобы эта инстанция была Эго-дистонной. Поэтому стремление такой личности к систематизации своей активности постоянно растет, и в действие вступают все новые способы сохранить Эго-дистонность. При неврозе навязчивостей или даже при предрасположенности к нему несложно заметить доходящий до абсурда консерватизм личности. Такие люди не принимают ничего нового, потому, что, принимая новое, придется думать о способах формирования новой системы компульсивной защиты. Для больного неврозом навязчивостей требуется максимально структурированная, без свободного времени и чего-либо непредусмотренного, жизнь. Всё должно быть размеренно, новые обстоятельства, даже самые незначительные, требуют новых усилий для сохранения самоконтроля. И если у такого больного часто нарушается привычная структурированность жизни, то следует ожидать развития изобретательности. Появляются новые формы обсессивно-компульсивной защиты, новые защитные ритуалы. Но ритуалы при неврозе навязчивостей не просто действия, они имеют смысл, иначе бы не закреплялись в поведении. Этот смысл можно определить как архаическую форму апелляции к филогенетической священной защите. В структуре поведения пациента с неврозом навязчивости мы сталкиваемся с двумя видами реальности, более того, две реальности становятся активными в динамике невроза навязчивых состояний; фактическая и идеальная реальность существуют в психическом мироощущении каждого нормального человека. Но одна из них – активного статуса, вторая – пассивного. Образы этих реальностей обнаруживаются уже в пещерной жизни. Если поведение это развернутая знаковая система, то становится понятным, что каждый акт поведения направлен на внешний мир и отражает определенную внутреннюю потребность. Пещерная живопись как раз и представляет собой знаки сознания. В ней впервые проявилось стремление человека осознать окружающий мир и себя как уникальное существо. «Важнейшая информация о мире отпечатывалась в изображениях животных, сценах охоты, отпечатках ладоней, кругах, волнистых линиях и спиралях. При этом пространство пещеры условно делилось на профанную, то есть используемую в прагматических целях, и сакральную, где происходили наиболее значимые события, ритуалы для рода»¹¹.

Изначальная двойственность психики реализуется в двойственной реальности, фактической и психической. Участвуя в пещерных ритуалах или

¹¹ Свирепо О. А., Туманова О. С. Образ, символ, метафора в современной психотерапии. М., 2004, с. 11.

современных религиозных процедурах, человек функционирует в этой невидимой реальности, которая проецируется бессознательным уровнем психики. Уже в символах Солнца и Луны можно видеть презентацию двух этих реальностей: символически Солнце выражается кругом, светом сознания, рациональностью, Луна – незавершенным кругом, темной загадочной стороной бессознательного. Склонность к формированию символов, к определенным формам поведения присуща психике человека. «До тех пор, пока образы не выражены в знаках и символах, они для нас имеют значение только как наши внутренние психические переживания»¹². Мучающие пациента переживания должны получить определенную форму выражения, знака, символа и поведения. Компульсивный ритуал как раз и выражает это стремление придать переживаниям определенную форму, имеющую защитный характер для человека. Тем самым пациент пытается сделать эти переживания подконтрольными, Эго-дистонными. Компульсивный ритуал можно рассматривать в качестве символической защитной стратегии личности. Символическое понимание мира, заложенное с древних времен в человеческую психику, придает ей характер коллективного понимания как себя, так и окружающего мира. Психика постоянно находится в состоянии пассивной диссоциации. Между тем в состоянии навязчивости диссоциация приобретает активность. Компульсивный ритуал нацелен привести упорядочность в психическую жизнь, придать переживаниям форму. Тем самым мучающие и пугающие мысли становятся эго-дистонными, во всяком случае такое ощущение у пациента возникает безусловно. Переживания должны иметь видимую форму. Компульсивный ритуал непонятен для человека, переживается им как невидимая, но необходимая защита. С помощью ритуала он дистанцирует от себя переживания и пытается посмотреть на них со стороны. Это, по сути, пародия на терапевтический процесс, расщепление на Наблюдающее и Наблюдаемое Я. Ритуал становится телесным, двигательным выражением переживаний. Совершенно не случайно «наивное доверие» человека к защитной функции compulsive ритуала: как известно, воображение является первичной формой переживания действительности. И эта форма переживания, поведения возникает в тех случаях, когда рациональное начало сознания не справляется с оформившейся психической проблемой. «Иными словами, речь идет о том, что доводы рассудка отстают, когда включаются эмоции»¹³. Пожалуй, это положение применимо ко всем видам невротических расстройств. Компульсивный ритуал можно определить как телесную метафору (фора как движение, как активность, нацеленная на соединение двух реальностей или воссоздание прежней единой целостности), призванную вновь объединить диссоциативную психическую активность.

¹² Там же, с. 14.

¹³ Там же, с. 15.

Мир прошлого и мир настоящего нащупывают совместные точки отчета в компульсивном ритуале. «Мир эмоций и переживаний прошлого становится доступен нам, в том числе и в силу того, что такие метафоры (символы пережитого опыта, прочно вошедшие в культуру) выступают своего рода ключами, открывающими двери в иные эпохи. Как бы ни отличались переживания людей прошлого от того, что мы чувствуем сейчас, этот доступный и понятный для всех язык все же существует. Иными словами, метафора-это информационный канал, связывающий два отдельных друг от друга мира»¹⁴.

Сформировавшуюся вследствие невроза навязчивостей диссоциацию, или, скажем так, дезинтеграцию личности можно определить как патологическое расщепление психики. В такой ситуации пациент, страдающий неврозом навязчивостей на начальном этапе, склонен реагировать рациональными средствами. Он обращается к рассудку, логически обосновывая несуразность, вычурность устрашающих мыслей и переживаний. Со временем рациональная защита становится неэффективной и пациент отчетливо понимает, что оказался в опасной, внутренне агрессивной среде. Доводы рассудка уже не обладают силой и эффективностью убеждений. Попытки рационально объяснить собственное психическое состояние, вербализовать переживания – способ посмотреть на себя со стороны, выделить Наблюдаемое Я. «Переход на уровень языка – это вообще способность посмотреть на события со стороны, как на что-то, что происходит отдельно от меня, не со мной»¹⁵. В неврозе навязчивых состояний нельзя не заметить страх перед хаосом, непознаваемыми явлениями. Состояние хаоса нельзя познать рассудком, оно иррационально. Организация и порядок – неотъемлемая атрибутика повседневной жизни – в неврозе навязчивостей утрачиваются. Сама культура – явление многосторонне упорядоченное. Уже на уровне мифологического мышления встречается противопоставление «космос–хаос». «При этом важнейшим оказывается порядок, определенность, уверенность в том, что все находится на своем месте. Интересно, что наиболее загадочным оказывается понятие хаоса. Инстинктивно человек прячется от того явления, которое не может понять. А понять хаос очень сложно»¹⁶. Человек всегда испытывает страх перед непонятным, если оно касается лично его. Хаос вызывает тревогу по той причине, что он выпадает из-под контроля человека, из каузальной цепи мировосприятия. «Именно эта бесконтрольность и непонятность рождала ощущение беспомощности, а беспомощность, в свою очередь, страх»¹⁷. Человек стремится к порядку во всем, к определенности, к последовательности. В состоянии

¹⁴ Там же, с. 16-17.

¹⁵ Там же, с. 18.

¹⁶ Там же, с. 31.

¹⁷ Там же.

душевного хаоса не существует точки рациональной опоры. Компульсивный ритуал в этом контексте представляет собой попытку сформировать определенную упорядоченность, последовательность действий. Ритуал имеет структуру. В ритуале существуют строго последовательные действия, однако отсутствует рациональный смысл.

«У всех людей есть слабость – любовь к каузальности. Происходящее пугает нас гораздо меньше, если мы уверены, что знаем причину. Мы надеемся, обладая этим знанием, влиять на ход событий, на поведение окружающих и даже обрести способность к исцелению. Ничто так не поощряет психологическую мифологию, как склонность отыскивать повсюду причины и следствия»¹⁸. Таким образом, компульсивные действия могут надеяться смыслом для пациента, более того эти действия можно рассматривать как средство соединения двух расщепленных реальностей, не включая в него сознательное. Это попытка восстановления прежней психической целостности. Но так как в этом процессе не участвует Я, то картина ограничивается лишь компульсивной активностью. Однако суть как раз в том, что Я личности и не может участвовать в компульсивном процессе. Компульсивный ритуал как раз и нацелен на то, чтобы не допустить активности сознания, осознания мучающих переживаний. Поэтому при неврозе навязчивостей закономерно активизируется процесс диссоциации основной идентичности. Наблюдаемый при навязчивых состояниях высокий уровень самоконтроля проявляется именно в компульсивной активности. Это своего рода страх забыть все действия, перепутать их последовательность, допустить в межличностных отношениях прорыв репрессированных и сдерживаемых компульсивной защитой аморальных мыслей и поступков. Именно поэтому психотерапия невроза навязчивостей становится чрезвычайно сложной, пациент демонстрирует открытое сопротивление ей, страхась потерять сформировавшуюся защитную стратегию. Вследствие этого часто пациенту как раз прописывают определенные компульсивные действия, чтобы поставить их под контроль воли и сознания. Это известный и оригинальный метод парадоксальной интенции В. Франкла, часто вызывающий временную ремиссию. Но при терапии невроза навязчивостей этот метод носит вспомогательный характер. Этим и достигается феномен, о котором пишет Гуггенбуль-Крейг: «Превращение бессмыслицы в содержание — один из важнейших факторов терапевтического, благотворного воздействия на пациента. Запутанная жизнь постепенно обретает черты отчетливой биографии»¹⁹. И, пожалуй, этот метод эффективен не только в психотерапии. Мы практически всегда пытаемся привнести смысл в наши действия, трансформируя очевидную бессмыслицу в надуманное содержание.

¹⁸ Гуггенбуль-Крейг А. Благо Сатаны. Парадоксы психологии. СПб., 1997, с. 53.

¹⁹ Там же, с. 53.

Таким образом, что бы ни делал человек, он должен находить в своем действии рациональный смысл. А эта установка как раз совершенно иррациональна. В психотерапии нет ничего, что отсутствовало бы в обыденной жизни. Ритуальная активность при неврозе навязчивостей представляет собой попытку воссоединения двух психических реальностей: рационального психического прошлого и иррационального психического настоящего. Ритуальная активность в структуре невроза навязчивостей, обладает защитной функцией, однако эта функция переживается болезненно со стороны больного, она мешает ему, как выпадающая из нормальной психической деятельности активность, а с другой стороны, помогает больному сохранять некий неполноценный баланс между нормой и патологией.

Ключевые слова: *ритуал, реальность, личность, невроз, смысл, компульсивный ритуал, Я-образ, установка, психическая жизнь*

ԷՐԻԿ ՄԻԿԱՅԵԼՅԱՆ – Օեսր որպես անձի երկու իրականությունները կապող օղակ - Միսական ակտիվությունը կաշուն վիճակների ներքոի համատեքստում անձի սոցիալական և մոգական իրականությունների համադրում է: Այդ գործընթացի ներոտիկ կողմը կարելի է դիտել որպես անձի հարմարվողականության համակարգի և անձի ու սոցիալական միջավայրի փոխհամագործակցության գործընթացի խաթարում: Միսական գործողություններում տեսանելի է պաթոլոգիկ գործառական համակարգերի կրկնություն, որոնք անհամարժեք են օբյեկտիվ իրականությանը:

Բանալի բառեր – *ձեռ, իրականություն, անձ, ներքո, իմաստ, կոմպուլսիվ ձեռ, Ես-կերպար, դիրքորոշում, հոգեկան կյանք*

ERIK MIKAYELYAN – *Ritual as a Connecting Link of Two Realities of Personality.* – Considering the ritual activity of the person in the obsessional neurosis as a result of the superposition of two realities – the objective (social) and magic (archaic), we pay attention to the neurotic side of this process. We can consider this aspect as a result of violations of the interaction of the individual with the social environment, as a violation of the individual-adaptive system. Repetition of pathological functional structures can be seen in ritual actions which are not adequate to objective reality.

Key words: *ritual, reality, personality, neurosis, meaning, compulsive rituals, self-image, directivity, the psychic life*